

Визажист национальной идеи

Москва празднует 150-летие Виктора Васнецова

Русский телеграф, — 1998. — 21 мая, — с. 11

Если юбилей Сурикова отметили с государственным размахом (выставка, памятники, торжества), то васнецовские мероприятия носят отчетливо маргинальный характер: выставка не в Третьяковке, а в Академии художеств, вечер — в театре Станиславского, научная конференция прошла вчера в Доме-музее художника. Что, конечно, несправедливо: Васнецов—Суриков — два сапога пара, влезши в которые, русская идея хлопала по топам совка. А знаменитая фраза Васнецова — «Всякое истинное живое искусство национально, космополитического искусства нет» — явно присутствует в речах и думах наших утонченных патриотов.

Впрочем, большая выставка художника была в 1990 году: Третьяковка в ту пору активно перебирала великих в поисках главного. И уже тогда стало ясно: «не годится». Слишком много слащавости, экзальтации, эксперимента. В поисках квинтэссенции «русского» Васнецов шаркался из стороны в сторону и пооткрывал действительно кучу дверей. Одну — в тусклый среднерусский пейзаж (которым воспользуются Нестеров,

Серов и Левитан), другую — в псковско-новгородское зодчество (откуда и произрос неорусский вариант модерна), третью — в мир русской сказки (ставший на два десятилетия любимой темой живописи, литературы, театра и музыки).

Но собственно картины, став коробками конфет, ковриками, обложками школьных учебников, давно уже никого не волнуют. В отличие от суриковских полотен — брутальных, острых, спорных — васнецовские молчаливы, статичны и скучны. Герои замерли в самоумилении, их монументальность отдает позерством. Повальная апатичная задумчивость, могущая быть как свидетельством внутренних борений, так и признаком их полного отсутствия. Три туриста-культуриста, похмельные муки витязя, критические дни Алёнушки, Иван Грозный, демонстрирующий haute couture XVI века, — все эти картины давно утратили свой пафос (если он, конечно, был: Сомову, например, Васнецов всегда казался холодным и бездушным).

Недостаток суриковской силы он искупал характерной для эпохи многогранностью. Однако не только нес искусство в жизнь,

но и брал из нее: другого такого мастера макиажа русская живопись еще не знала. Непонятно, открыл ли он глаза зрителям, но вот героям — это факт. Большие, подведенные, застывшие, они будут шириться весь век, через Врубеля — до Глазунова и Константина Васильева. Сегодня мы нашли бы в этом что-то наркотическое, но тогда величина глаз связывалась единственно с отражением души — большой, распахнутой, отзывчивой (как и полагается русской). То, что приемчик этот был позаимствован у Бёклина, никого, кроме Бенуа, не волновало, а превращение Христа в женщину-вамп модерна было и вовсе неочевидно.

Когда же этот метод был ратифицирован халтурщиками ар нуво, пасхальными открытками и нашими истеричными посконниками — Васнецов оказался в положении не то чтоб Колумба, а скорее Опленгеймера. Мало того, еще в начале века его одолел пафос количества: от разреженного пространства своих главных картин он обратился к суриковскому многолюдью. А когда народу много и каждый с глазами бешеной селедки — тут уж ничего, кроме глазуновских мистерий, в голову

нейдет. Плюс черепа, драконы, замки, закаты, ангелы, грозы, томные девицы — короче, поменьше Достоевского с прерафаэлитами, которую теперь, после реставрации, можно увидеть в Доме-музее художника. Народ, по словам зрителя-сильниц, идет валом.

Свалив васнецовский крест в Кремле (на месте убийства в.к. Сергея Александровича), советская власть расплатилась с семейством неслыханной милостью: и Виктор, и брат его Аполлинарий имеют в Москве по музею. Но музей — слабое утешение художнику, мечтавшему переустроить мир. Поднять же его на знамена религиозного возрождения тоже затруднительно: популярное сегодня отождествление Серебряного века с модерном, а модерна — с богоискательством рубежа веков именно в Васнецове обнажает всю свою бестактность. Не икона, а кич, не стон, а вопль, эротический экстаз вместо целомудрия. Короче, где гроб стоял — там яств стал стол. Поразительно, что такой верующий человек не чувствовал всей несовместности этих вещей.

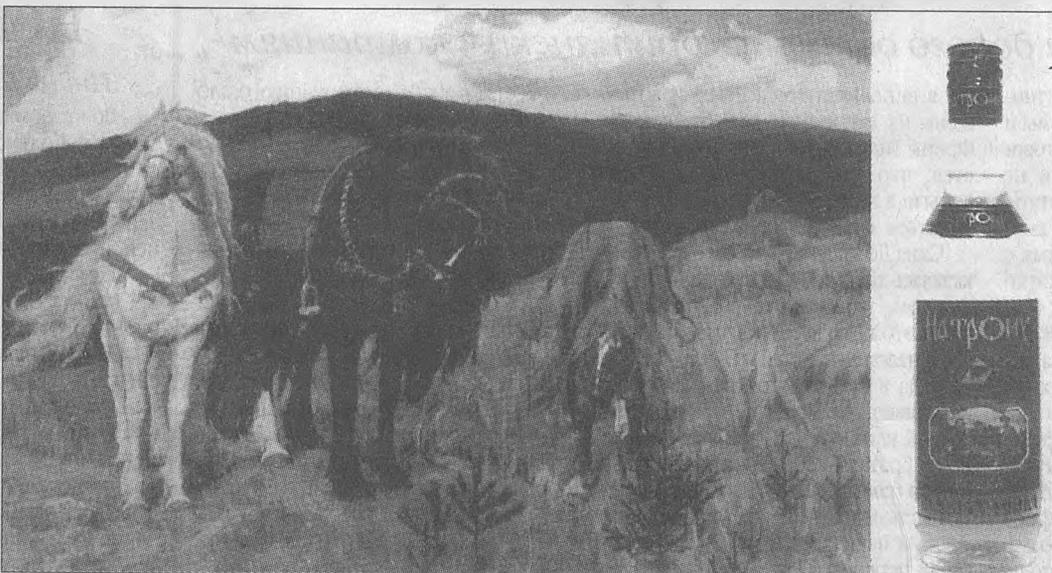
Эту загадку васнецоведы тщательно оберегают. Сборник его писем изрешечен купюрами, как «мерс» после кровавой разборки. Нежный отец, верный муж, бесребренник, трудяга и скромняга — откуда же взялся весь этот «плотный гон, переходящий в дурнину», как выражается друг-кинокритик? Почему васнецовская архитектура остается интересной и ценной, а живопись ничего, кроме смеха и умиления, не вызывает? Может быть, потому, что архитектура эта была подчеркнута приватной: церковь в усадьбе, частная галерея, собственный дом. Когда же Васнецов шел в народ, он мигом превращался в того же Тона с его церквями, которые тиражировались по всей России («живопись Васнецова — замечал в 1910 году Павел Муратов — заняла в нашем отечестве положение официальной церковной живописи»).

Начало неорусского стиля принято отсчитывать с того момента, «когда русский художник (читай: Васнецов и Поленов. — Н.М.) с восторгом посмотрел на храмы Москвы, Новгорода, Ярославля». Но откуда родился этот восторг, почему его не было прежде? Он явился как реакция на узурпацию «русского» Гартманом и Ропетом: не в наличниках же да кокошниках национальное живет! Но когда абрамцевские художники утвердили свое понимание русского стиля — они и сами оказались в той же роли. Каждый художник, озабоченный воплощением национального, обречен быть смешным — просто потому, что всякое национальное обретается в районе материально-телесного низа (все, что выше — интернационально и космополитично). Васнецов же, на свою беду, был человек отчаянно серьезный, думал, что низ этот можно приподнять и раззолотить — но что может быть кошмарнее золоченой попы?

«В Васнецове, — писал Бенуа, — жила душа истинного художника, которой не позволили вылиться и развиваться лишь всевозможные обстоятельства: плохая школа, общее недомыслие в художественных вопросах, неподходящие для его дарования заказы, успех его самых недостойных вещей, увлечение ложными националистическими идеями. Не обладая железным характером и даром полного уединения, которые являются главной броней Сурикова, Васнецов всю жизнь поддавался всяким влияниям, и в этом причина неполноты его искусства, всех его неприятных недостатков».

Николай малинин

Выставка «Художники рода Васнецовых» работает в залах Академии художеств (Пречистенка, 21), а вчера в Доме-музее художника (пер. Васнецова, 13) открылась выставка работ студентов Абрамцевского училища и Российской академии живописи, ваяния и зодчества.

Анекдоты про трех богатырей шли на ура в советские годы, поскольку удачно сопрягались с другой бородастой троицей. Но и сегодня это трио не утратило актуальности — что ясно по рекламе водки «Топаз», сочиненной Алексеем Акимовым (рекламное агентство «Лесто»)